

ACTA SLAVICA ESTONICA VIII

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII.

Свое – чужое в языке и речи.

Тарту, 2016

Тартуский университет
Отделение славистики
Кафедра русского языка

ACTA SLAVICA ESTONICA VIII

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика XVII

Свое – чужое в языке и речи

UNIVERSITY OF TARTU
Press

Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое – чужое* в языке и речи. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. 356 стр.

Международная редакционная коллегия серии „Acta Slavica Estonica”:

Ирина Абисогомян (Тарту), Давид Бетеа (Мичиган),
Александр Дуличенко (Тарту), Любовь Киселева (Тарту),
Елизавета-Каарина Костанди (Тарту), Ирина Кюльмоя (Тарту),
Александр Лавров (Санкт-Петербург),
Микаэл Мозер (Вена), Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург),
Арто Мустайоки (Хельсинки), Татьяна Степанищева (Тарту),
Виктор Храковский (Санкт-Петербург)

Международная редколлегия тома «Свое – чужое в языке и речи»:

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. Е. Королева (Даугавпилс), Е. И. Костанди (Тарту),
И. П. Кюльмоя (Тарту), О. Н. Паликова (Тарту), О. Г. Ровнова (Москва),
А. В. Штейнгольд (Тарту), В. П. Щаднева (Тарту)

Все статьи настоящего тома прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were peer reviewed

Редактор тома: И. П. Кюльмоя

Технический редактор: В. Тубин

Перевод на эстонский язык: И. П. Кюльмоя, С. Купш-Сазонов

Редактор эстонских резюме: Юри Валге

Редактор английских резюме: Энн Велди

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Издательского совета
Тартуского университета и гранта 14299 государственной программы
«Эстонский язык и культурная память»*

© Статьи: авторы, 2016

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2016

ISSN 2228-2335 (print)

ISBN 978-9949-77-340-4 (print)

ISSN 2228-3404 (pdf)

ISBN 978-9949-77-341-1 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ирина Павловна Кюльмоя (Тарту) «Свое» и «чужое» в языке и речи. От редактора.....	9
І. Свое – чужое в языке и речи	
Ирина Ивановна Бакланова (Москва) Речевые проявления образа «своего» и «чужого» адресата в публицистическом тексте	25
Наталья Валентиновна Большакова (Псков) Народная сказка как жанр миромоделирования («свое – чужое» в текстах псковских сказок)	38
Андрей Андреевич Горбов (Санкт-Петербург) «Чужое» в «своем»: о некоторых проблемах этимологического описания иноязычной лексики в русском языке	51
Михаил Яковлевич Дымарский (Санкт-Петербург) Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае <i>Я не безумец лезть под пули</i>	64
Елизавета Илмаровна Костанди (Тарту) Тексты билингва: «свое» и «чужое»	78
Игорь Сергеевич Кошкин (Рига) Семантическая типология и языковые контакты в истории социальной терминологической лексики	89
Анатолий Михайлович Кузнецов (Даугавпилс) «Свое» и «чужое» в орфографии Зографского евангелия (I): отражение истории <i>еров</i> в сильной позиции	102
Ирина Павловна Кюльмоя (Тарту) К диалектике «своего» и «чужого» в русском языке рассеяния	116
Катарина Менг (Мангейм), Екатерина Юрьевна Протасова (Хельсинки) Четверть века в Германии: опыт одной семьи русских немцев	124

Янина Валерьевна Мызникова (Санкт-Петербург) О некоторых проявлениях оппозиции «свой – чужой» в диалектном дискурсе	137
Елизавета Владиславовна Пурицкая (Санкт-Петербург) «Своя» – «чужая» речь: репрезентация лингво- территориальных различий носителями диалекта	148
Елена Николаевна Ремчукова (Москва), Татьяна Петровна Соколова (Москва) «Своё» и «чужое» в сфере городской номинации России	161
Ольга Геннадьевна Ровнова (Москва) «Другие языки» в книге русского старообрядца из Южной Америки	173
Жанна Ромуальдовна Сладкевич (Гданьск) Сфера «своих» и «чужих» в жанре новогоднего поздравления президентов России, Беларуси и Польши.	187
Галина Стефановна Сырица (Даугавпилс) Лексемы с амбивалентной коннотацией в аспекте оппозиции «свой – чужой»: <i>гость</i>	200
Валентина Петровна Щаднева (Тарту) Языковая картина мира женщины-старообрядки в аспекте «свой – чужой»	211
II. Свое – чужое в переводе и преподавании языка	
Наталия Вайсс (Ювяскюля), Елена Каллас (Таллинн), Хелле Метсланг (Тарту) Теоретические основы учебного словаря объектного управления эстонских глаголов	229
Елена Михайловна Вельман-Омелина (Тарту) Трудности перевода: проблема выбора лексических соответствий (на материале деловых текстов)	245

Светлана Маратовна Евграфова (<i>Москва</i>) Категория «свой – чужой» в языке и коммуникации: индивидуальная языковая система и стратегии обработки языкового материала	255
Илзе Качане, Оксана Ковзеле (<i>Даугавпилс</i>) Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале латышских и русских переводов романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»)	268
Лилия Михайловна Кныш - Крюков (<i>Тарту</i>) Отражение национально-культурной специфики глаголов движения в преподавании РКИ	283
Сирье Купп - Сазонов (<i>Тарту</i>) Перевод — это «свой» или «чужой» текст?	296
Татьяна Геннадьевна Никитина, Елена Ивановна Рогалёва (<i>Псков</i>) «Свое» и «чужое» в учебном словаре русской фразеологии	310
Указатель имен	323
Kokkuvõtted	331
Abstracts	343

СВОЕ И ЧУЖОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ. ОТ РЕДАКТОРА

И. П. КЮЛЬМОЯ

Динамизм сознания на любых культурных его уровнях требует наличия другого сознания, которое, самоотрицаясь, перестает быть «другим» — в такой же мере, в какой культурный объект, создавая новые тексты в процессе столкновения с «другим» перестает быть собою. Разделить взаимодействие и имманентное развитие личностей или культур можно только умозрительно. В реальности это диалектически связанные и взаимопереходящие стороны единого процесса.

Ю. М. Лотман¹

Высказывание Ю. М. Лотмана, касающееся взаимодействия культур и связанное с одной из основополагающих оппозиций семиотики культуры — «свое — чужое», — справедливо и по отношению к языку, который является фундаментом любой этнической культуры и в котором всегда сосуществуют *свое*, исконно присущее данному языку, составляющее его основу, и элементы *чужого* на разных уровнях языка. «С точки зрения культурно-мотивированной обязательности существования оппозиции «свой — чужой» в развитии общественной информации данная дихотомия стала одной из важнейших черт культурной и социальной характеристики языка. К основным функциям данной оппозиции относятся упорядочение и интерпретация мира посредством его классификации и категоризации» [Nowak 2002: 61, цит. по: Корина 2014: 62].

Свою лепту в исследование культурной и социальной характеристики языка путем изучения сложного взаимодействия *своего* и *чужого* в языке и речи вносят статьи предлагаемого читателю сборника. Основой некоторых из них стали доклады и дискуссии на проведенной кафедрой русского

¹ [Лотман 1992: 118]

языка Тартуского университета международной конференции «Свое – чужое в языке и речи» 27–29 июня 2014 года, на которой были представлены доклады исследователей из семи стран.

Статьи сборника расположены в двух разделах; название первого совпадает с названием сборника «Свое и чужое в языке и речи», второй отражает прикладной аспект этой тематики и условно назван «Свое и чужое в переводе и преподавании языка». В статьях первого раздела анализируется проявление оппозиции как в текстах различных жанров русского литературного языка (публицистика, городская номинация, официально-деловая речь), так и территориальных диалектов, как в русском языке России, так и за ее пределами в условиях языковых контактов. Прослеживаются сложное взаимодействие и взаимопереходы различных единиц языка внутри оппозиции. Заметим, что приводимые в статьях примеры диалектной речи сохранены в поданной авторами форме.

Первый раздел издания открывает статья **И. И. Баклановой**, в которой на основании постулатов речевого общения Г. П. Грайса, из публицистического текста выводится образ отраженного в нем предполагаемого «своего» — осведомленного и «чужого» — неосведомленного адресата. На основании постулатов категории Количества выводится образ адресата, осведомленного о содержании передаваемой ему информации о предметах и событиях или неосведомленного, нуждающегося в дополнительном разъяснении содержания. На основании постулатов категории Качества выводится образ адресата, разделяющего мнение автора текста о сообщаемом или же нуждающегося в обосновании авторского мнения. На основании постулата категории Отношения — образ адресата, легко воспринимающего логику авторского повествования или нуждающегося в метатексте. На основании постулатов категории Способа — адресата, знакомого с использованными автором именами, терминами и иноязычными словами и выражениями, либо нуждающегося в объяснении. «Своим» является адресат, который осведомлен о содержании упоминаемых в тексте ситуаций, разделяет мнение автора по поводу истинности сообщаемой ему информации, легко воспринимает авторскую логику и знаком с использованными словами и выражениями. «Чужой» не осведомлен о содержании ситуаций, не разделяет мнение автора и нуждается в аргументации, объясняющей ход мысли метатексте, ему незнакомы использованные автором имена, термины и иноязычные выражения.

Н. В. Большакова рассматривает псковскую народную сказку как жанр миромоделирования, демонстрирующий единство фольклорного произведения и устной народной речи. Мир человека в текстах сказок, обусловлен

ный закономерностями фольклорной поэтики, внутрижанровыми и сюжетными особенностями, определяется высокой степенью диалогичности текстов и ролью рассказчика. Таким образом тесно сплетены два мира: сказочный, волшебный и реальный, хорошо знакомый рассказчику и охраняемый им в повествовательном дискурсе. При этом категория «свой – чужой» пронизывает все смысловые сферы народной культуры, раскрывающие пространственные, временные, социально-культурные и другие жизненно важные человеческие и природные начала. Символически отображенные в текстах вертикальная и горизонтальная оси сказочного пространства реализованы в системе общерусских и диалектных наименований, репрезентирующих ближнюю (освоенную) и дальнюю (чуждую) пространственную среду. Автром составлен предметный указатель, который включает в себе потенциал исследования содержательной стороны предметного слова и выявления лексико-семантической системы сказочных текстов. В исследовательских целях указатель трансформируется в семантически организованный словник — основу описания универсальных семиотических оппозиций, характеризующих модель мира псковского крестьянина. Такая методика позволяет во всей полноте лексических репрезентаций раскрыть содержание оппозиции «свой – чужой» применительно к региональным текстам народных сказок.

Статья **А. А. Горбова** посвящена проблемам этимологического описания иноязычной лексики в русском языке. Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц независимо от давности их вхождения в словарный состав, в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков и экстралингвистических сведений об объектах номинации. Анализ подтверждает, что этимологические сведения в лингвистических работах могут иметь серьезные недостатки. Проблемы описания касаются также заимствований-интернационализмов, в которых легко устанавливается этимологический корень слова, но нет однозначного ответа на вопрос о непосредственном источнике заимствования и ближайшем прототипе. Учет современных лексикографических источников, а также времени, условий и обстоятельств вхождения в русский язык новых иноязычных лексем позволяет установить их этимологию и отвергнуть сомнительные гипотезы об английском происхождении. В работе показано, что влияние англицизмов на лексику современного русского языка не следует переоценивать.

М. Я. Дымарский посвятил свое исследование прагматике синтаксической производности, рассматривая игру «своего» и «чужого» в случае *я не безумец лезть под пули* в аспектах структуры, синтаксической деривации, семантики и прагматики. Доказывается, что структурно модель представляет собой сложноподчиненное предложение с нетривиальным соотношением главной и придаточной частей. Деривационно модель интерпретируется как контаминация двух базовых моделей: с присубстантивным придаточным, и с целевым придаточным. Рассмотрено соотношение модели с близкой местоименно-соотносительной моделью фразеологизированного типа; продемонстрирована невозможность сведения первой к неполному варианту второй. Автор показывает, что между семантической насыщенностью модели и ее формальной неразвернутостью есть диспропорция, которая интерпретируется как признак производности и сильной прагматической мотивированности модели. Пять компонентов смысла модели соотносятся с оппозицией «свое – чужое», одни имеют характер пресуппозиций, другие — инференций и связаны с аксиологической или деонтической модальностью. Один из компонентов представляет собой ложную инференцию, которую говорящий использует в демагогических и манипулятивных целях. Выражение подлинного «чужого» оказывается лишь поводом для выражения мнимого «чужого» — на самом деле «своего „чужого”», из чего следует, что главной составляющей иллокуции говорящего является не столько отклонение перспективы действия со своим участием, сколько демагогически-манипулятивное воздействие на адресата, создающее коммуникативный дискомфорт и ставящее коммуникацию на грань разрыва.

Е. И. Костанди считает, что ряд особенностей русской речи в Эстонии может быть полнее проанализирован и объяснен с опорой на понятие дискурсивных практик. В статье рассматриваются *тексты билингва*, состоящие из двух частей на разных языках — оригинала и перевода. Анализ позволил установить в текстах билингва несколько проявлений оппозиции «свое — чужое». Наиболее очевидная ее реализация — восприятие языков как «своего» (родного) или «чужого» (неродного). В ситуации диаспоры этот критерий не является однозначным, так как люди, хорошо владеющие двумя языками, могут по-разному оценивать языки. Кроме того, переведенный на родной язык текст может восприниматься как «чужой». В этой связи рассматривается еще одно проявление оппозиции «свое — чужое» — происхождение текстов билингва (Эстония, Россия или иные страны). Основное внимание в статье уделено восприятию русской и эстонской частей текста как «своих» или «чужих» по отношению к тексту билингва

в целом. Материал не всегда позволяет определить собственно языковую составляющую как текст билингва, однако функционирование таких текстов позволяет рассматривать их как варианты реализации практики билингва. Автор приходит к выводу о том, что следует говорить не только о текстах билингва, но и о дискурсивных практиках билингва, влияющих и на проявление оппозиции «свое – чужое».

В статье **И. С. Кошкина** рассматривается проявление оппозиции «свое – чужое» в истории отдельных социальных терминов, употреблявшихся в языках Балтийского региона. Эта оппозиция может проявляться как в аспекте семантической типологии (общее развитие значения слова в контактирующих языках), так и в аспекте языковых контактов (взаимосвязь «своих» и «чужих» элементов в истории заимствованного социального термина). Например, социальная терминологическая лексика в истории русско-латышско-немецких языковых контактов, с одной стороны, отражает переход от значения 'свой' к значению 'чужой' в семантической истории социального термина (русск. *люди*, латыш. *ļaudis*), с другой — более широкое взаимодействие «своего» и «чужого» в ономаσιологической истории слова-термина (история заимствования латыш. *tulks*). Анализируемые элементы социальной терминологической лексики зафиксированы в средневековых грамотах и в других текстах правового содержания.

Описывая проявления «своего» и «чужого» в орфографии Зографского евангелия (ЗЕ), **А. М. Кузнецов** отмечает, что графико-орфографические системы старославянских рукописей до сих пор не получили полного описания. В статье представлена попытка реконструкции системы письма ЗЕ в плане отражения падения *erov*. В орфографии ЗЕ выделяется несколько слоев. Первичный слой Кирилло-Мефодиевской эпохи сохраняет этимологически верное написание *erov*. В это время в положении перед *j* аккомодация отсутствовала, поэтому сочетания знаков *ы* и *ъ* (собственно *о* и *у*) имели разное фонетическое значение. Второй слой отражал аккомодацию *erov* перед *j* в некоторых болгарских говорах и дальнейшее стяжение гласных, к этому слою примыкает и межслоговая ассимиляция по ряду гласных и мягкости согласных. Для последнего слоя — писца ЗЕ — характерно отсутствие аккомодации *erov* перед *j*, конвергенция фонем *ъ* – *о* и *ь* – *е* (в сильной позиции), что отражается во взаимозамене букв *ъ* ↔ *о*, *ь* ↔ *е*. Однако в книжном произношении писец сохраняет восточноболгарскую традицию с аккомодацией *erov* перед *j* и стяжением последовательностей *-ji-*, *-ii-*, *-ij-*, в результате чего сочетания знаков *ы* и *ъ* (*о* и *у*) получают одинаковую фонетическую интерпретацию.

Статья **И. П. Кюльмоя** посвящена рассмотрению сложного взаимодействия «своего» и «чужого» в русском языке диаспоры, которое представляется автору особенно интересным в условиях развития языка в инокультурном и иноязычном окружении. В языке диаспоры ярко проявляется процесс освоения «чужого», в то же время важно сохранение «своего», что в определенной степени ведет к консервации языка, которая, однако, благодаря Интернету и сетевому общению, происходит значительно медленнее и в более узких рамках, чем в языке первых трех волн эмиграции. Преимущественное внимание уделено диалектному варианту русского языка Эстонии, в котором можно увидеть конкретные свидетельства консервации в виде диалектной лексики и ряда грамматических явлений. Сохранению некоторых архаичных грамматических явлений способствует поддержка «чужого» — эстонского — языка. Процесс освоения заимствований и отношения к ним самих диалектоносителей рассматривается на примерах диалектной речи.

К. Менг и **Е. Ю. Протасова** рассматривают авторефлексию и лингвокультурные практики семьи российских немцев, репатриировавшихся в Германию из Казахстана в начале 1990-х гг. Пожилые иммигранты размышляют о своем опыте, достижениях и надеждах в отношении детей и внуков. Фокус делается на использовании языков и трансформациях в стиле жизни в сравнении со временем пребывания в стране исхода и на протяжении 25 лет в Германии. Информанты рассматривают сходства и различия в способах поведения людей в Германии, России и Казахстане, развивают народную теорию межкультурной коммуникации, оценивают собственную этничность в соотношении с ситуациями других людей, размышляют об исторической судьбе российских немцев, витальности этой группы и перспективах интеграции в Германии. Информанты остаются носителями советских традиций. Межпоколенческая передача русского языка сокращается, хотя люди осознают преимущества, связанные с ним.

В статье **Я. В. Мызниковой** рассматриваются проявления категории «свой — чужой» в процессе диалектной коммуникации. Для диалектоносителя круг «своих» очерчивается рамками социума сельского населенного пункта. Коммуникация с представителями других социумов, то есть с «чужими», часто сопряжена с негативной или настороженной реакцией. Так, общение диалектоносителя с диалектологом является случаем межсоциумной коммуникации, которая может закончиться коммуникативной неудачей, если собиратель не попытается преодолеть барьер «отчуждения». В сельском сообществе коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как сдержанность в общении

с малознакомыми людьми, нежелание говорить о том, что может «навредить» членам социума. При этом внутри социума, для «своих» существуют особые «внутренние» правила коммуникации: использование известных только членам социума имен-прозвищ, принятых элементов речевого этикета. Для выделения соседних социумов могут использоваться коллективные прозвища и микроэтнонимы. Выделение «чужих» происходит на конфессиональной почве, на культурно-исторической базе, на основе различия в языке или говоре, иногда и на основе этнической «чуждости». Эти закономерности прослеживаются в полиэтнической и полиязыковой среде Поволжья, где рядом проживают славянские, тюркские и финно-угорские группы населения. Особенности реализации оппозиции «свой — чужой» могут варьироваться в зависимости от этнокультурной ситуации в регионе, но общие закономерности ее проявления в диалектном дискурсе территориально не обусловлены.

Статья **Е. В. Пурицкой** посвящена изучению лингвистической и металингвистической репрезентации лингвотерриториальных различий носителями псковских говоров как сложного диалектного континуума. Объектом исследования являются метаязыковые наблюдения носителей псковских говоров (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки). Автором были сделаны следующие выводы. Лингвистическая репрезентация носителями говоров *своей* – *чужой* речи демонстрирует семантику другого, но почти полное отсутствие эмоциональной оценки «чужого». Металингвистическая репрезентация включает наблюдения над лексическими территориальными различиями, некоторые наблюдения носителей говоров над *своими* – *чужими* словами столь точны, что позволяют выделить лексические маркеры для определения границ ареалов. Яркой формой репрезентации говорящими различий является выделение микротерриториальных образований (микрозон), которые характеризуются другим говором. Такие микрзоны отмечаются информантами по всей территории Псковской области, но больше всего наблюдений относится к южным и юго-западным территориям с говорами переходного типа. Основой для выделения микрозон являются не только лингвистические, но и географические и культурные признаки (включая конфессиональные). Однако при оценке представителей иных конфессиональных групп внимание говорящего направлено не на особенности чужой речи, а на особенности чужой культуры, которые чаще всего оцениваются отрицательно.

В статье **Е. Н. Ремчуковой** и **Т. П. Соколовой** рассматривается проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в коммерческой городской

номинации в результате креативной речевой деятельности. Анализ названий кафе, ресторанов, жилых комплексов, магазинов, салонов красоты позволил выявить способы освоения «чужого»: на лексическом уровне — использование топонимов, антропонимов, экзотизмов в исконной и транслитерированной форме; на уровне словообразования — использование иноязычных формантов. Особое внимание уделено графогибридизации как феномену взаимопроникновения «своего» и «чужого». Наиболее частотна асемантическая графогибридизация (спортклуб «*ZARYDKA*», ресторан «*Ugolëk*»), авторы определяют ее разновидности и переходные случаи между асемантической и семантической графогибридизацией. На графемном уровне выявлены противоположные тенденции: представление «чужого» как «своего» и «своего» как «чужого». «Чужой» элемент оформляется кириллицей как «свой» (ресторан «*Фиш*»), а «свой» с ярко выраженным этнокультурным компонентом, как чужой (ресторан «*Valenok*», ЖК «*Chekhov*»). В номинации магазинов это приобретает прагматическую цель — замаскировать русского производителя товаров и услуг под иностранного для большего коммерческого успеха. Авторы подчеркивают, что поиск равновесия между *национальным* и *универсальным* компонентом является одной из важнейших задач при создании коммерческого имени в городе.

Статья **О. Г. Ровновой** основана на материале книги старообрядца из Южной Америки Д. Зайцева «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева». Рукопись получена от автора О. Ровновой, подготовлена ею к печати и опубликована. Рукопись создана на русском диалектном языке, написана гражданской азбукой с использованием фонетического письма. В ней отражены фонетические, грамматические и лексические особенности родного для автора говора старообрядцев-«синьцзянцев», который много лет развивался без контакта с современным русским литературным языком, в контакте с испанским и португальским. К «другим языкам», получившим отражение в книге, относятся говор старообрядцев «харбинцев», церковнославянский, испанский и португальский языки, а также русский язык, который автор слышал, живя около полутора лет в России. Влияние церковнославянского письма обнаруживается в спорадическом использовании специальных знаков ударения, влияние латиницы — в смешении букв русского и латинского алфавитов. Показаны лексические заимствования из испанского и португальского языков, способы их адаптации, выявлено обусловленное и не обусловленное сюжетом употребление испанизмов, использование испанских фраз как стилистический прием. Анализируется лексика, заимствованная из современного русского языка в его лите-

ратурной, диалектной и просторечной разновидностях, обсуждается вопрос о ее стилистической окраске в тексте.

В статье **Ж. Р. Сладкевич** анализируется реализация дихотомии «свои – чужие» в новогодних телеобращениях президента к народу на материал текстов президентов России, Беларуси и Польши. Описывается генезис новогоднего поздравления главы государства, определяются его конститутивные жанровые признаки: тип речи, сфера и характер общения, повод, коммуникативные цели, статус адресанта, образ адресата, тип ответной реакции, обязательные структурные элементы, ритуальный характер.

Автор анализирует специфику языковой реализации «своей» и «чужой» сферы в обращениях президентов с учетом коммуникативной ориентации жанра на фатику и интеграцию, а также с учетом национальной социокультурной специфики жанра. К специализированным знакам маркировки «своего круга» относятся: инклюзивное «Мы», лексемы совместности, лексемы с компонентом единения, лексемы поля «семья», номинации лояльных адресатов, союзников и имена выдающихся соотечественников. Зона «чужих» определена тремя категориями: внешние враги, внутренние враги и неблагоприятные объективные обстоятельства.

Проксемическое, визуально-звуковое оформление телевизионного новогоднего обращения президента как креолизованного жанра напрямую коррелирует с маркировкой «своей сферы».

Г. С. Сырица рассматривает коннотативный фон лексемы *гость* в аспекте оппозиции «свой — чужой», особенностью которой является ярко выраженная аксиологичность (*хороший – плохой*). Анализ семантики лексемы *гость* и ее функционирования в составе паремий и в художественном дискурсе позволил выявить амбивалентный характер оценочных коннотаций. Позитивно-оценочные коннотации связаны прежде всего с характеристикой желанного («своего») гостя, негативно-оценочные коннотации — с нежеланным («чужим») гостем. Коннотативный фон лексемы находит отражение в ритуалах приветствия гостя, в стереотипах поведения гостя и др. Выявлено, что амбивалентные коннотации отражены в лексеме *гость* неравномерно. Большое количество устойчивых сочетаний, которые восходят к инварианту *незванный гость* (*заезжий, неожиданный, недобрый, странный гость* и др.), а также особенности переносных значений лексемы *гость* (*гостья*) свидетельствуют о большей закреплённости негативно-оценочных коннотаций. Это находит отражение и в современном ассоциативном словаре.

Статья **В. П. Щадневой** посвящена *гендерному* аспекту в *женщин-старообрядок западного Причудья и острова Пийриссаар*. Автора интересует проявление равноправности / подчиненности женщины-старообрядки в своем социуме, традиции которого создаются взаимосвязью *религии, семьи, дома, труда*, что определяет особенности языкового отражения роли и статуса женщины в их *рассказах*. Духовная и материальная жизнь староверов изначально опирается на идею времени, зафиксированную уже в названии этноконфессионального сообщества. Представления о принадлежности к *своей* общине у староверов включают в себя взгляды, оценки, нормы, обусловленные древними канонами. Тем самым основа оппозиции «свой — чужой» заложена уже во временном плане. При анализе учитывается переплетение религиозного начала с различными концептами. В рассказах отражаются как прежние консервативные нормы, так и сужение их действия в религиозной жизни и в гендерных отношениях. С одной стороны, изменение гендерного состава духовных наставников, выполнение женщинами и мужской работы говорят о равноправии полов. С другой, женщины подчеркивают гендерные различия, создают свое приватное пространство в доме, в общении, в женской обрядовости, разграничивая «свое» и «чужое». Эта оппозиция отражается в женской речи в связи с конфессией, сакральным и мирским в быту, с отношениями старших и младших, мужчин и женщин. Языковую картину мира женщины-старообрядки целесообразно рассматривать не только с точки зрения ее роли в общине и в семье, но и с точки зрения пространства: внутреннего, преимущественно «женского» и внешнего, преимущественно «мужского».

Второй раздел сборника, посвященный учету оппозиции «свое — чужое» в теории и практике перевода и преподавании языка, начинается статья **Н. Вайсс, Е. Каллас и Х. Метсланг**, в которой описываются теоретические основы и структура учебного словаря объектного управления эстонских глаголов. Словарь составляется на основе банка данных частотных транзитивных глаголов, который содержит аутентичные предложения из корпуса эстонского языка. Пособие поможет выбирать правильный падеж объекта к глаголу в соответствии с его управлением и характером протекания действия. Для учащихся с родным русским языком некоторым подспорьем в этом случае становится сопоставление глагольного вида с падежом объекта (номинативом, генитивом или партитивом). Принято считать, что в утвердительном предложении с целостным конкретным объектом русскому глаголу совершенного вида соответствует генитив или номинатив как падеж объекта, тогда как глаголу несовершенного вида — партитив, однако это не всегда так. По модели объектного управления эстон-

ские глаголы или их значения делятся на три основных типа: аспектные, партитивные и перфективные. Выделяются два переходных типа аспектных глаголов: обычно перфективные и обычно партитивные. В конце словарной статьи даны наиболее частотные перифрастические глаголы, являющиеся отдельными словарными единицами. Словарь удобен для пользователя и служит хорошей базой для создания учебных материалов, совершенствования методики преподавания эстонского языка как неродного, а также для различных языковых исследований, в том числе контрастивных.

В статье **Е. М. Вельман-Омелиной** в аспекте «свой — чужой» обсуждаются трудности выбора лексических соответствий в эстонско-русском переводе текстов официально-деловой тематики. Автор на языковом материале показывает, что перевод как вид деятельности требует от переводчика наличия не только собственно лингвистических, но и фоновых знаний, понимания особенностей каждой отдельной коммуникативной ситуации, учета частной цели перевода. Несмотря на попытки систематизировать переводческую деятельность, перевод остается субъективным родом занятия человека, так как зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводчика. Официально-деловые тексты — одни из самых сложных для перевода, который должен быть выполнен максимально корректно, ибо переводной текст призван выполнять функцию полноправной замены оригинала. Перед переводчиком стоит задача не просто передать смысл текста, а в точности воспроизвести оригинальный текст на другом языке. Поскольку переводчик с эстонского языка на русский должен учитывать языковые особенности деловой коммуникации и в России, и в Эстонии, то особое внимание в статье уделено удачно подобранным и закрепившимся в русском языке соответствиям, которые пока или не представлены в словарях, или представлены в них не совсем корректно.

Объектом анализа **С. М. Евграфовой** является категория «свой — чужой» с точки зрения ее влияния на разные аспекты деятельности человека (пересказ, редактирование, перевод, вербальное обучение). Важную роль при этом играет индивидуальная языковая система (ИЯС). Индивидуальные отличия таких систем достаточно велики, поэтому при восприятии чужой речи требуется «когнитивный перевод» «чужой» ИЯС в «свою». Противоречия между отдельными ИЯС наблюдаются в естественной устной и необработанной письменной речи. «Когнитивный перевод» затрудняет взаимопонимание и порождает коммуникативные неудачи и речевые ошибки. Автор считает, что речевое развитие личности и формирование ИЯС продолжается в течение всей жизни человека и в некоторых

аспектах подчиняется одним и тем же закономерностям у ребенка, подростка и взрослого. Автор показывает, что для корректного «когнитивного перевода» необходимо специальное обучение, так как автоматический перевод с «чужой» ИЯС на «свою» не позволяет решать задачи понимания и переработки сложных текстов. Обнаружить предпочтение стратегий можно по характеру ошибок при переработке текста.

Статья **И. Качане** и **О. Ковзеле** посвящена проблеме перевода иноязычных вкраплений в художественной литературе (анализируются две латышские и три русские версии перевода романа «Портрет Дориана Грея», созданные в разное время разными переводчиками). Иноязычные вкрапления наделяются сложной символикой и множеством оттенков смысла, их роль и функции в тексте разнообразны: создание колорита и аутентичной среды, идентификация уровня образованности персонажа, показатель принадлежности творца определенному культурному феномену. Перевод подобных единиц проверяет мастерство и компетентность переводчиков, осуществляющих межъязыковое и межнациональное «перекодирование». Как показало сопоставление различных переводных версий одного оригинала, наиболее выигрышными оказываются те из них, которые ориентированы на создание импрессивной эквивалентности исходного и переводного текстов с учетом индивидуально-авторской картины мира и национально-культурных особенностей воспринимающих. Этого можно добиться путем сохранения изначальной графической формы иноязычных вкраплений с обязательным комментированием их значения, что можно сделать непосредственно в тексте или за его пределами (система сносок). В свою очередь безремарочный прием передачи иноязычных знаков, как и их изъятие из текста, оказались непродуктивными, а в отдельных случаях — даже рискованными переводческими решениями.

Предмет анализа **Л. Кныш-Крюков** — глаголы движения, которые сложны для изучения учащимися с родным эстонским языком из-за национально-культурных особенностей восприятия данного типа русских глаголов. Созданные автором веб-приложения в среде *LearningApps.org* позволяют в игровой форме совершенствовать не только лексические и грамматические навыки, но и навыки письма. Интерактивная система трансформационных упражнений способствует многократному повторению и механической тренировке языковых образцов, повышают заинтересованность и мотивацию к изучению материала, снимают языковой барьер, позволяют разнообразить и индивидуализировать учебный процесс. В основе разработанных дигитальных заданий лежит предложенный Э. П. Васильченко шестиступенчатый подход к изучению русских глаголов движения, учиты-

ваются национально-культурные особенности восприятия эстонскими учащимися этого материала. Для каждого этапа предусмотрен ряд интернет-приложений с автоматической системой проверки, которая позволяет учащемуся-эстонцу выявить пробелы в знаниях. Мгновенная обратная связь дает возможность самостоятельно оценить полученные результаты, при необходимости повторить учебный материал и заново выполнить упражнение. Таким образом учащийся отрабатывает полученные знания и навыки с учетом своих когнитивных особенностей.

С. Кушп-Сазонов обсуждает вопрос о том, должен ли перевод восприниматься читателями как «свой» или как «чужой» текст. В теории и практике перевода различаются две стратегии: форенизация (*foreignization*) и доместикация (*domestication*). В русскоязычных работах употребляются термины *остранение* и *одомашнивание*. Принято считать, что выбор конкретной стратегии играет важную роль в переводе лексики, в частности, в передаче реалий, однако эта дилемма переводчика касается и грамматики. В статье делается попытка проанализировать проявление стратегий форенизации и доместикации на грамматическом уровне в русско-эстонском художественном переводе. Более подробно рассматриваются категории числа и времени. В связи с категорией числа внимание обращено на употребление множественного числа с торжественно-уважительным оттенком, «авторского» мы и др., в связи с категорией времени в центре внимания оказывается настоящее процессное, прошедшее в контексте будущего, настоящее историческое и действие, нелокализованное во времени. Итоги анализа свидетельствуют о том, что даже если переводчик использует стратегию доместикации, то благодаря более широкому контексту, читатель понимает, что перед ним текст, принадлежащий другому культурному пространству. В то же время такое «присутствие» переводчика нельзя считать недостатком, и хороший перевод, сохраняющий частицу другой культуры и языка, может обогатить культуру и язык перевода.

В статье **Т. Г. Никитиной** и **Е. И. Рогалевой** представлена концепция репрезентации «своего» и «чужого» в словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, адресованных иноязычным учащимся. Авторы формулируют задачу лексикографа: помочь иноязычному читателю адекватно оценить этнокультурную специфику русского фразеологизма и на основе противопоставления родному языку или, наоборот, с опорой на «свое» освоить «чужое». В статье обобщается опыт лингвистического и лингвокультурологического исследования категорий «свое — чужое» в сфере фразеологии, анализируются способы их репрезентации в академических и учебных словарях, изданных

в России, осмысляются возможности использования этих материалов в практике обучения русскому языку. Представляя собственную концепцию словарной параметризации фразеологизмов, авторы излагают основы этимологического парафразирования, позволяющего раскрыть лингвокультурологический потенциал этимологической версии и лингводидактический потенциал обращения к категориям «своего» и «чужого». Реализация концепции показана на примере учебных толково-этимологических словарей. Приводятся фрагменты словарных статей, раскрывающие содержание категорий «своего» и «чужого»; интерпретация осуществляется при помощи этимологизирующих приемов парафразирования. Подход «через свое к чужому» реализуется на уровне текстообразования.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Издательского совета Тартуского университета и гранта 14299 государственных программ Эстонии.

Литература

Корина Н., Норман Б., Алефиренко Н., Высочанский В., Соколова Я. 2014 — Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Нитра.

Лотман Ю. М. 1992 — К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) *Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах*. Т. I. Таллинн: Александра. С. 110–120.

Novak, P. 2002 — *Swoi i obcy w językowym obrazie świata. Język publicystyki polskiej z pierwszej połowy lat pięćdziesiątych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.